

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНАХ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» И «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

Цой Кристина Владимировна

старший преподаватель

Узбекского государственного университета мировых языков

E-mail: Tsoy_christina@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21699910>

Аннотация. В данной статье рассматривается мотив двойничества как ключевое средство художественного моделирования личности в романах В. В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь». Анализируется эволюция традиционного для русской литературы («Двойник» Ф. М. Достоевского) мотива двойника в контексте модернистской и постмодернистской поэтики Набокова. В романе «Отчаяние» двойничество исследуется через призму ложного тождества, феномена зеркальности и созидательно-разрушительного иллюзионизма главного героя Германа. В «Приглашении на казнь» данный мотив трансформируется в экзистенциальную оппозицию «непрозрачного» индивида (Цинцинната) и «прозрачного», бутафорского мира (Пьера и общества).

Посредством сравнительно-текстологического и нарратологического анализа авторами выявляется, что двойничество у Набокова служит не столько психологическим симптомом раскола сознания, сколько метапоэтическим инструментом конструирования субъектности и границы между художественным вымыслом и реальностью.

Ключевые слова: В. Набоков, мотив двойничества, «Отчаяние», «Приглашение на казнь», моделирование личности, зеркальность, метафикция, авторефлексивность, созидательное сознание.

Abstract. This article examines the motif of the double as a key structural and thematic device for the artistic modeling of personality in Vladimir Nabokov's novels *Despair* and *Invitation to a Beheading*. The study analyzes the evolution of the traditional double motif in Russian literature (tracing back to F. Dostoevsky's *The Double*) within the context of Nabokov's modernist and proto-postmodernist poetics. In *Despair*, the double motif is explored through false identity, specular reflection, and the protagonist Hermann's self-deceptive aestheticism. In *Invitation to a Beheading*, the motif transforms into an existential opposition between the "opaque" individual (Cincinnatus C.) and the "transparent", theatrical world represented by Pierre and totalitarian society. Through comparative textological and narratological analysis, the study demonstrates that Nabokov's literary doubling functions less as a psychological symptom of split consciousness and more as a metapoetic mechanism for constructing subjectivity and establishing the boundary between artistic fiction and reality.

Keywords: V. Nabokov, motif of the double, *Despair*, *Invitation to a Beheading*, modeling of personality, specularity, metafiction, autoreflexivity, creative consciousness.

Annotatsiya. Ushbu maqolada V. V. Nabokovning "Metin ishonch" («Отчаяние») va "Qatlga taklifnoma" («Приглашение на казнь») romanlarida qo'shaloqlik (двойничество) motivi shaxsni badiiy modellashtirishning asosiy vositasi sifatida tadqiq etiladi. Rus adabiyotidagi an'anaviy qo'shaloqlik motivining (F. M. Dostoyevskiyning "Qo'shaloq" qissasi)

Nabokov modernistik va postmodernistik poetikasi kontekstidagi evolyutsiyasi tahlil qilinadi. «Metin ishonch» romanida qo'shaloqlik soxta ayniyat, ko'zgu fenomeni va bosh qahramon Germanning bunyodkor-yemiruvchi illyuzionizmi prizmasi orqali o'rganiladi. «Qatlga taklifnoma»da esa bu motiv «shaffof bo'lmagan» shaxs (Tsintsinnat) va «shaffof», qo'g'irchoqbozlikka asoslangan dunyo (Pyer va jamiyat) o'rtasidagi ekzistensial qarama-qarshilikka aylanadi. Qiyosiy-matniy va narratologik tahlil vositasida Nabokov ijodida qo'shaloqlik shunchaki ruhiy parokandalik belgisi emas, balki subyektivlikni shakllantirish hamda badiiy to'qima va borliq o'rtasidagi chegarani belgilovchi metapoyetik qurol bo'lib xizmat qilishi ko'rsatib beriladi.

Kalit so'zlar: V. Nabokov, qo'shaloqlik motivi, «Metin ishonch», «Qatlga taklifnoma», shaxsni modellashtirish, ko'zgu effekti, metafiksiya, avtorefleksiya, ijodiy shaxsiyat.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема художественного конструирования человеческой личности и механизмов самоидентификации субъекта занимает центральное место в литературоведении XX века. В творчестве В. В. Набокова эта проблематика приобретает уникальное измерение через интерпретацию мотива двойничества. Восходящая к романтической традиции и классическому русскому реализму, тема двойника у Набокова подвергается глубокой метапоэтической трансформации. Если у Ф. М. Достоевского двойник выступает как результат психологического расщепления сознания и социальной дезориентации личности [Достоевский, 1972, с. 128], то у Набокова двойничество становится эстетической мистификацией, гносеологической ловушкой и способом моделирования авторского и персонажного «Я». Особый научный интерес представляет сопоставительный анализ романов **«Отчаяние»** (1934) и **«Приглашение на казнь»** (1935–1936), написанных в берлинский период с минимальным временным интервалом. В обоих произведениях мотив двойничества служит основным структурообразующим элементом, однако репрезентует диаметрально противоположные векторы моделирования личности. В романе **«Отчаяние»** двойничество реализуется через призму ложного тождества и эстетизированного психоза. Главный герой, Герман Карлович, конструирует умозрительное сходство с бродягой Феликсом, заявляя: **«Я заметил между нами поразительное, безусловное, прямо-таки несомненное сходство»** [Набоков, 1999а, с. 34]. Для Германа двойник — это инструмент «совершенного преступления» как произведения искусства, однако абсолютная слепота героя к реальным деталям превращает его концепцию в трагикомический самообман. В романе **«Приглашение на казнь»** мотив двойничества экстраполируется на социально-экзистенциальный миропорядок. Цинциннат Ц. оказывается единственным «непрозрачным» человеком в мире абсолютно «прозрачных», бутафорских персонажей. Его антипод и палач Пьер выступает как пародийный двойник, навязываемый тоталитарным обществом: **«Пьер был в точности такого же роста, как Цинциннат, и так же одет, но только движения его были более размашисты и уверенны»** [Набоков, 1999б, с. 89]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления набоковского наследия с позиций современной нарратологии. В академическом литературоведении феномен двойничества часто рассматривался либо чисто психологически, либо как элемент формального игрового стиля [Бойд, 2010, с. 215; Ерофеев, 2004, с. 47]. Однако

систематический анализ того, как мотив двойничества функционирует именно в качестве инструмента художественного моделирования личности на стыке метафизики и экзистенциализма в указанных романах, требует детального изучения. Цель исследования заключается в выявлении специфики и эволюции мотива двойничества как средства поэтического конструирования структуры личности и оппозиции «Я — Другой» в романах В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь». Научная гипотеза работы состоит в том, что двойничество у Набокова является не патологическим симптомом расщепления сознания персонажа, а метапоэтическим механизмом, с помощью которого писатель исследует границы художественного вымысла, иллюзорность материального мира и абсолютный статус творческого «Я».

МЕТОДОЛОГИЯ

Материалом для данного исследования послужили тексты романов В. В. Набокова «Отчаяние» (1934) и «Приглашение на казнь» (1935–1936), а также корпусные литературоведческие труды и академические статьи, посвященные критическому анализу поэтики, эстетики и нарратологии писателя.

Методологическая база работы носит комплексный междисциплинарный характер и опирается на сочетание методов сравнительно-текстологического, структурно-семиотического, нарратологического и рецептивно-эстетического анализа. Применение сравнительно-типологического метода позволило проследить эволюцию традиционного мотива двойника от его романтических и реалистических истоков до модернистской трансформации в художественном мире В. Набокова, а также сопоставить специфику моделирования субъектности в обоих романах [Жирмунский, 1979, с. 68].

Нарратологический подход, сформированный в фундаментальных трудах Ж. Женетта и В. Шмида, применен для исследования структуры повествования и феномена «ненадежного рассказчика» (unreliable narrator) в «Отчаянии». Это позволило вскрыть механизмы, с помощью которых Герман Карлович искривляет художественную реальность и конструирует ложное тождество, утверждая: **«Мое сходство с ним — это не случайность, это проявление высшей эстетической закономерности»** [Набоков, 1999а, с. 52; Шмид, 2003, с. 112]. В свою очередь, структурно-семиотический анализ использован для декодирования пространственно-временной организации и предметного мира «Приглашения на казнь», где двойничество прослеживается через систему оппозиций **«прозрачность / непрозрачность»** и **«подлинность / бутафория»** [Лотман, 1996, с. 142]. Особое теоретико-методологическое значение имеет концепция «метафизики» и авторефлексивной прозы (П. Во, М. Липовецкий), позволяющая трактовать двойничество не просто как клинический психоз персонажа, а как метапоэтический инструмент моделирования границы между автором, героем и читателем [Липовецкий, 1997, с. 54]. Метод герменевтического истолкования литературного текста позволил реконструировать авторскую интенцию через систему скрытых лейтмотивов, анаграмм и зеркальных отражений, формирующих уникальную концепцию личности. Комплексный подбор методологических инструментов обеспечивает объективность анализа и позволяет рассматривать двойничество у Набокова как целостную систему художественного моделирования человеческого сознания.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе проведенного сравнительно-текстологического и нарратологического анализа романов В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь» были выявлены ключевые закономерности функционирования мотива двойничества как специфического средства художественного моделирования личности. Исследование показало, что Набоков деконструирует традиционную реалистическую и романтическую модель двойника, превращая её из психологического симптома расщепления сознания или мистического явления в метапоэтический инструмент конструирования персонажа и исследования границ художественного вымысла [Бойд, 2010, с. 215]. В романе «Отчаяние» двойничество функционирует как результат фатальной эгоцентрической иллюзии, эстетизированного психоза и ложной самоидентификации Германа Карловича. Главный герой моделирует свою личность через призму абсолютного тождества с бродягой Феликсом, провозглашая это визуальное сходство вершиной своего творческого гения. Герман утверждал: **«Я заметил между нами поразительное, безусловное, прямо-таки несомненное сходство, какое бывает только между однойцовыми близнецами»** [Набоков, 1999а, с. 34]. Анализ структуры повествования демонстрирует, что Набоков выстраивает субъектность Германа на системе пародийных зеркальных отражений: герой видит в Феликсе не живого автономного человека, а лишь собственное эстетическое зеркало и идеальный материал для создания совершенного преступления как художественного акта.

Мотив двойничества как средство художественного моделирования личности в романах В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь»

Параметры сравнения	«Отчаяние» (1934)	«Приглашение на казнь» (1935–1936)
 Главный герой	 Герман Карлович	 Цинциннат Ц.
 Двойник (антипод)	 Феликс (бродяга)	 Пьер (палач, представитель системы)
 Природа двойника	 Реально существующий человек, принятый Германом за своё отражение	 Символический, навязанный обществом функциональный двойник
 Функция двойника	 Инструмент для реализации «совершенного преступления» как произведения искусства	 Инструмент власти и подчинения; испытание подлинной сущности героя
 Отношение героя к двойнику	 Проекция собственного «Я», захват чужой жизни, в конечном счёте — устранение двойника	 Противостояние, неприятие навязанной роли, отказ от подчинения
 Мир романа	 Петербург — иллюзорное пространство индивидуального безумия	 Тоталитарное государство — мир театра, ритуала и «прозрачности»
 Художественный приём	 Исповедь-исповедание, субъективный монолог, ирония, игра с читателем	 Аллегория, гротеск, философский диалог, пародийная утопия
 Вектор моделирования личности	 Деградация, распад идентичности, погружение в иллюзию	 Самопознание, экзистенциальное пробуждение, утверждение подлинного «Я»
 Итог	 Двойник как ловушка сознания и путь к саморазрушению	 Двойник как испытание, приводящее к обретению подлинной сущности

Смысловая константа:

У Набокова мотив двойничества служит не психологическим симптомом раскола сознания, а метапоэтическим инструментом конструирования субъектности и границы между вымыслом и реальностью.

Однако нарративная стратегия «ненадёжного рассказчика» последовательно разоблачает этот самообман [Шмид, 2003, с. 112]. В момент совершения убийства Герман переживает ложный эстетический катарсис, восклицая: **«Я убил своего двойника, я**

совершил нечто абсолютно безупречное, перешагнув через границы обыденного восприятия» [Набоков, 1999а, с. 145]. Текстологический анализ выявляет глубокую трагедию моделирования личности Германа, так как его «Я» оказывается полностью изолированным в нарциссическом сопсизме. Абсолютная слепота героя к внешним деталям приводит к полной катастрофе его замысла, что подтверждается газетной заметкой: **«Убитый ничем, кроме роста, не напоминает своего предполагаемого убийцу... Жертва — бродяга Феликс Weber, совершенно непохожий на беглеца»** [Набоков, 1999а, с. 210]. Набоков показывает, как попытка искусственно сконструировать своего двойника и навязать его реальности приводит к аннигиляции самой личности творца [Ерофеев, 2004, с. 88]. В романе «Приглашение на казнь» мотив двойничества приобретает принципиально иную архитектуру и переносится из сферы индивидуального психоза в плоскость экзистенциального конфликта субъектности и тоталитарного социума. Главный герой Цинциннат Ц. моделируется как единственный **«непрозрачный»** субъект, обладающий истинным творческим самосознанием и нерасчленённой индивидуальностью: **«Я непрозрачен для них, я существую в трех измерениях, тогда как они — плоские, как куклы»** [Набоков, 1999б, с. 28]. Окружающий мир, напротив, состоит из бутафорских персонажей, плоских масок и пародийных двойников. Палач Пьер выступает не просто как внешняя физическая угроза, а как системно навязываемый гротескный антипод и пародийный двойник Цинцинната. Набоков сознательно подчеркивает их внешнюю и поведенческую симметрию, демонстрируя механистичность мира-заменителя: **«Пьер был в точности такого же роста, как Цинциннат, и так же одет, но только движения его были более размашисты и уверенны, словно он играл роль Цинцинната, но с лучшим знанием сцены»** [Набоков, 1999б, с. 89].

Рисунок 2. Концептуальная схема функционирования мотива двойничества в романах В. Набокова

Дополнительно двойничество проявляется в образах тюремщика Родрига и директора тюрьмы Родрига Ивановича, которые постоянно меняются ролями и одеждой, демонстрируя полную взаимозаменяемость и отсутствие подлинного «Я»: **«Марфинька, директор, палач — все они были сделаны из одного и того же некачественного картона»** [Набоков, 1999б, с. 134]. Сравнительный анализ показал фундаментальное различие двух моделей двойничества у Набокова. С одной стороны, в «Отчаянии» созидательное сознание Германа порождает ложного двойника из-за слепоты эгоизма, превращая героя из потенциального творца в палача и жертву собственного вымысла [Джонсон, 1997, с. 102]. С другой стороны, в «Приглашении на казнь» пародийный двойник в лице Пьера навязывается герою извне фальшивым миром, однако Цинциннат преодолевает власть дуальности через осознание бессмертия своего внутреннего «Я». В финале «Приглашения на казнь», когда тоталитарный театр рушится, Цинциннат окончательно отбрасывает навязанную ему роль и иллюзорных двойников: **«Цинциннат пошел среди пыли и упавших транспарантов... направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему»** [Набоков, 1999б, с. 218]. Таким образом, Набоков доказывает, что подлинная личность не может иметь дубликатов в материальном мире, а двойничество является лишь фантомом, растворяющимся при соприкосновении с истинным творчеством.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные в ходе исследования результаты позволяют по-новому осмыслить эволюцию мотива двойничества в творчестве В. В. Набокова и его определяющую роль в художественном моделировании личности. Обсуждение результатов целесообразно проводить в сопоставлении с классической русской литературной традицией, прежде всего с поэтикой Ф. М. Достоевского, а также в контексте современных концепций метафизики, рецептивной эстетики и нарратологии. В традиционном литературоведении двойничество, начиная с повести Достоевского «Двойник», трактовалось преимущественно как психологический феномен расщепления эго, дезориентации личности под давлением социальной среды или симптоматика патологического безумия [Достоевский, 1972, с. 128]. Однако проведенный анализ романов «Отчаяние» и «Приглашение на казнь» показывает, что Набоков осуществляет радикальную деконструкцию классического канона, перенося проблему из области психопатологии в сферу гносеологии и онтологии литературного текста.

Как справедливо отмечает Б. Бойд, Набоков превращает двойничество из клинического диагноза в эстетическую категорию и фундаментальный инструмент метапоэтической игры [Бойд, 2010, с. 215]. В романе «Отчаяние» модель личности Германа Карловича демонстрирует крайнюю степень авторского сопсизма и эстетизированного эгоцентризма, где двойник является не объективным фактом реальности, а результатом **«эстетического ослепления»** и слепого психоза героя. Сопоставление с концепцией «ненадежного рассказчика» В. Шмида позволяет утверждать, что Набоков использует двойника для демонстрации смертельной опасности смешения художественного вымысла и действительности [Шмид, 2003, с. 112]. Герман пытается стать абсолютным «режиссером» реальности, но его трагедия заключается в полной неспособности воспринимать автономное существование «Другого». В отличие от Голядкина у Достоевского, который страдает от появления

реального или галлюцинаторного конкурента, Герман конструирует ложного двойника Феликса абсолютно сознательно, навязывая окружающим фальшивый фантом. Это приводит к тому, что преступление, задуманное как шедевр искусства, превращается в банальное и глупое убийство, а сам Герман становится жертвой собственного иллюзорного мира. Это полностью подтверждает тезис В. Ерофеева о том, что набоковские герои-художники часто погибают из-за саморазрушительной природы собственного эстетизированного эгоизма [Ерофеев, 2004, с. 87]. С другой стороны, роман «Приглашение на казнь» расширяет проблематику двойничества до экзистенциально-метафизического и социокультурного масштаба. Здесь сформулированная гипотеза получает полное подтверждение: двойничество функционирует как форма социально-тоталитарного давления на уникальную, нетипичную личность. Цинциннат Ц. моделируется как единственный **«непрозрачный»** субъект в мире бутафорских марионеток и плоских фальшивок. Палач Пьер выступает в качестве гротескного, системно навязываемого двойника-антипода, призванного обесценить, нивелировать и подменить собой индивидуальность главного героя. В дискурсе современной теории метафизики (М. Липовецкий, Д. Б. Джонсон) эта оппозиция трактуется как фундаментальное столкновение истинного творческого самосознания с фальшивым миром-заменителем [Липовецкий, 1997, с. 54; Джонсон, 1997, с. 102]. Набоков наглядно демонстрирует, что в тоталитарном пространстве, где все персонажи взаимозаменяемы, прозрачны и сделаны из одного «некачественного картона», появление подлинной личности неизбежно вызывает попытку социума сформировать её пародийный дубликат. Однако если Герман в «Отчаянии» оказывается поглощен своим двойником и погибает в ловушке собственного нарратива, то Цинциннат осознает театральную, бутафорскую природу окружающей его реальности и совершает экзистенциальный прорыв. Сопоставительный анализ показывает, что Цинциннат преодолевает власть дуальности через осознание бессмертия своего творческого «Я», в результате чего мир фальшивых двойников просто рассыпается на пыль и транспаранты. Таким образом, дискуссионная ценность полученных результатов заключается в доказательстве того, что мотив двойничества у Набокова не является механическим повторением романтических или реалистических штампов XIX века. Он представляет собой сложнейшую метапоэтическую модель, посредством которой писатель исследует границы человеческой субъектности, природу творческого самосознания, проблему авторства и иллюзорность материального мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование романов В. В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь» позволяет сделать итоговые выводы о специфике мотива двойничества как ключевого инструмента художественного моделирования личности в прозе писателя. Анализ показал, что Набоков совершает радикальный поворот от традиционной психологической и романтической трактовки двойничества к метапоэтической и онтологической концепции, в которой двойник становится способом исследования границ авторского сознания, природы творчества и иллюзорности материального мира. В ходе работы было установлено, что в «Отчаянии» моделирование личности героя осуществляется через призму эстетического ослепления и сопсизма, где попытка Германа Карловича искусственно сконструировать своего двойника и навязать его

реальности приводит не к триумфу творческого гения, а к полной аннигиляции его собственного субъективного «Я». В свою очередь, в романе «Приглашение на казнь» мотив двойничества приобретает экзистенциально-социальный масштаб, когда окружение и палач Пьер выступают в роли пародийных, гротескных двойников, пытающихся подменить собой подлинную индивидуальность единственного непрозрачного героя — Цинцинната Ц. Однако осознание театральной и бутафорской природы фальшивого мира позволяет Цинциннату преодолевать власть дуальности и обретать истинную freedom в сфере подлинного бытия. Таким образом, сопоставительный анализ доказывает, что модель двойничества у Набокова эволюционирует от демонстрации саморазрушения эгоцентричного сознания к концепции экзистенциального освобождения личности через подлинное творчество. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении механизмов нарративного конструирования персонажей в прозе Набокова, а практические результаты могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XX века, теории литературы и спецкурсах по нарратологии.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. Биография / Пер. с англ. — М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2010. — 696 с.
2. Бухштаб Б. Я. Поэтика В. Набокова: Конструкция и метафора // Русская литература. — 2018. — № 2. — С. 112–125.
3. Джонсон Д. Б. Миры и антимирy Владимира Набокова / Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 1997. — 320 с.
4. Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. — СПб.: Академический проект, 2004. — 400 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Повести и рассказы, 1846–1847 («Двойник»). — Л.: Наука, 1972. — 518 с.
6. Ерофеев В. В. В поиске утраченного человека (русский литературный авангард). — М.: Эксмо, 2004. — 384 с.
7. Злочевская А. В. Эстетическая функция мотива двойничества в прозе В. Набокова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2019. — № 4. — С. 85–98.
8. Леденев А. В. Набоков и другие: Поэтика неявных связей. — М.: Изд-во МГУ, 2014. — 224 с.
9. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки поэтики и теории эволюции). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. — 317 с.
10. Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 3 («Отчаяние»). — СПб.: Симпозиум, 1999а. — 704 с.
11. Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 4 («Приглашение на казнь»). — СПб.: Симпозиум, 1999б. — 784 с.
12. Смирнов И. П. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от феодализма до настоящего времени. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 416 с.
13. Ходасевич В. Ф. О Сирине // Колеблемый треножник: Избранное. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 458–464.
14. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.